

фестиваль

Аня Хартерос (Альцина)
и **Джон Марк Айнсли (Оронт)**
в опере Генделя Фотограф: Wilfried Hasl

В казарме не повеселишься

«Альцина» на Мюнхенском оперном фестивале

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ МЮНХЕН

Баварская опера — лидер в освоении генделевского наследия. По меньшей мере пять названий — среди них «Юлий Цезарь», «Ариодант», «Ринальдо» — фигурировали в фестивальных афишах прошлых лет. На нынешнем фестивале «Альцину» представила та же команда, что делала «Саула»: молодой, но весьма перспективный режиссер Кристоф Лой, дирижер Айвор Болтон и художник Херберт Мюрауер.

За двенадцать лет правления выдающийся интендант Баварской оперы сэр Питер Джонас сумел привить консервативной публике вкус к музыке Монтеверди, Кавалли и Генделя. Теперь в Мюнхене можно услышать «Коронацию Поппеи», «Возвращение Улисса», «Калисто» и «Роделинду» в порой эпатажных постановках Дэвида Олдена. Его младший коллега Кристоф Лой осмысляет барочную тему иначе. Изящество и лаконизм сценической «картинки», томная рефлексия, изысканные игры с человеческим телом, как с пластическим инструментом, — вот его почерк. В «Альцине» эти идеи воплощены на уровне актерской игры, в которой красота мизансцен всегда внутренне оправдана состоянием персонажа в момент, когда он поет свою «выходную» арию. Арий в «Альцине» превеликое множество, каждый персонаж (а их в опере семеро) поет за вечер от трех до семи.

Сюжет, основанный на эпизоде из «Неистового Роланда» Ариосто, чрезвычайно запутан. Тут

и волшебница Альцина, превращающая путешественников в чудовищ, и ее младшая сестра Моргана, и толпы очарованных влюбленных. Все влюблены без взаимности: Оберто — в Моргану, Моргана — в юного Риккардо. Сам Риккардо на самом деле — переодетая в платье своего брата Брадаманте. Она разыскивает на острове своего жениха Руджеро, плененного чарами Альцины и потерявшего память о своей прошлой жизни. Переодевание, травестийность — главный прием Лоя. Все персонажи то порываются стянуть с себя платье и надеть чужое, то настойчиво пытаются раздеть предмет своих воздыханий. Переменчивость половой принадлежности создает массу двусмысленных подтекстов: Моргана, видимо, тяготеет к женской любви, а юный Риккардо — существо unisex, которому идет униформа спецназовца, а не платье а ла мадам Шанель.

Друг другу здесь противостоят два мира: волшебный, полный любви и неги мир Альцины и суровый военизированный мир ка-

зармы, не признающий полутонов и оттенков. Очевидно, что режиссер на стороне Альцины, а она сама вовсе не коварная обольстительница, но глубоко страдающая женщина. А Руджеро не герой-рыцарь, но самовлюбленный молодой человек с внешностью и повадками Ди Каприо: недаром его партия поручена мегазвезде Веселине Казаровой. В финале мир Альцины гибнет под натиском спецназа. Вооруженные люди размахивают пистолетами и автоматами, с грохотом валится стена, подорванная заложенным снарядом. Агрессия уничтожает любовь, а Руджеро возвращается в лоно военизированного братства. Но это пиррова победа: человек, лишенный вкуса к радостям жизни, — лишь исправно функционирующий робот.

«Альцина» была исполнена превосходно — впрочем, как всегда, когда Айвор Болтон дирижирует милой его сердцу барочной оперой. Красавица Аня Хартерос спела многочисленные арии Альцины на диво экспрессивно, пылко и технично, очаровала нежнейшим пиано и Вероника Чанджеми — Моргана. Состав подобрался сильный: Джон Марк Айнсли, Дебора Йорк, Соня Прина. Лишь знаменитая Казарова разочаровала. Ее пение, в котором из-за утрированных придыханий то и дело пропадали ноты, явно выбивалось из точной и стройной барочной графики, которой безукоризненно владели ее партнеры.

Лой Кристоф

26.07.05